

**О. И. Ярошевская**

## О крещении «дивесов или чуд родящихся»: проблемы крещения детей с тяжелой патологией в Тřebнике митрополита Петра (Моги́лы) и практике современной церкви

В статье анализируются пояснения «О крещении младенцев» и «О крещении дивес или чуд родящихся» в Тřebнике митр. Петра (Моги́лы). С одной стороны, эти пояснения наглядно свидетельствуют об искажении первоначального понимания смысла крещения и о восприятии его как магического действия, призванного обеспечить нежизнеспособному младенцу благоприятную участь в посмертии. С другой стороны, поднимают вопрос, на который и сегодня нет однозначного ответа — каким образом церковь может засвидетельствовать человеческое достоинство детей с крайне тяжелыми нарушениями развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: чин крещения, митрополит Петр (Моги́ла), крещение младенцев, тяжелые пороки развития.

В чинах любого из церковных таинств отразилось понимание церковью смысла этого таинства. Ранняя церковь понимала крещение как личностный ответ на проповедь о Христе, как радикальное изменение жизни крещаемого, как освобождение его от власти законов мира сего. Так, в Деяниях апостолов запечатлен момент, когда жители и гости Иерусалима сокрушаются сердцем, услышав от Петра, что Иисус, отданный ими на смерть, и был Мессией, и вопрошают, что же им теперь делать? Петр отвечает им «Покайтесь (т. е. буквально в переводе с греческого «измените ваш ум». — О. Я.), и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа»<sup>\*1</sup>. Наиболее древние христианские свидетельства не описывали в подробностях сам чин крещения, но в «Дидахе» сказано: «Преподав наперед все вышесказанное (т. е. учение о путях Жизни и смерти. — О. Я.) крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа в живой воде»<sup>\*2</sup>, т. е. сразу же подчеркивается участие крещаемого как воспринимающего учение Церкви. Иустин Философ

<sup>\*1</sup> Деян 2:37–38

<sup>\*2</sup> *Didache* 7:1

также упоминает, что крещаемый должен дать свое согласие на крещение, а после крещения вводится в церковное собрание и участвует в таинствах \*<sup>1</sup>.

\*<sup>1</sup> *Iust. Martyr. I Apol. 61*

В Апостольских постановлениях Псевдо-Климента (IV в.) уже запечатлены такие моменты крещения, как необходимость предварительного наставления в вере \*<sup>2</sup>, признание крещаемым своего отречения от сатаны и сочетания со Христом и произнесение Символа Веры, молитвенное обращение новокрещеного к Богу-Отцу после изведения из купели \*<sup>3</sup>. Почти все эти элементы сохранились и в ныне действующем чине крещения. Они достаточно ясно свидетельствуют о том, что чин крещения изначально был рассчитан прежде всего на зрелого человека, сознательно обратившегося к Христу и лично свидетельствующего о своем обращении. Сама структура чина крещения говорит, что случаи крещения человека, не способного лично свидетельствовать о своей вере, например, несмышленного младенца, не могли быть всеобщей нормой.

\*<sup>2</sup> *Const. Ap. 7:39*

\*<sup>3</sup> *Const. Ap. 7:41*

Нет никаких свидетельств о крещении младенцев в апостольский век, если не считать косвенных указаний на вероятность такого события при крещении целых семей \*<sup>4</sup>. Во II–III вв. младенческое крещение существовало, однако отношение к нему было неоднозначным. С одной стороны, Ориген в проповеди «О священстве» говорил: «Поскольку через таинство крещения очищаются от скверны рождения, то крещаются и младенцы» \*<sup>5</sup> (пер. А. И. Алмазова [Алмазов, 582]). Карфагенский Собор 252 г. единогласно удостоверил возможность и законность крещения младенцев, о чем от имени собора писал Фиду Киприан Карфагенский \*<sup>6</sup>. С другой стороны, сами эти утверждения показывают, что необходимость крещения во младенчестве отнюдь не для всех была очевидной. Так, примерно в то же время Тертуллиан прямо говорил о нежелательности младенческого крещения: «Господь сказал: “Не возбраняйте им (детям. — О. Я.) приходить ко Мне”. Пусть же приходят, как только возмужают». Он настаивал исключительно на личном произнесении крещальных обетов и, соответственно, на личной ответственности за их нарушение \*<sup>7</sup>.

\*<sup>4</sup> Деян 16:15; 16:33; 18:8; 1 Кор 1:16

\*<sup>5</sup> *Orig. In Luc. Hom. 1835C*

\*<sup>6</sup> *Cypr. Carth. Ad Fidum*

\*<sup>7</sup> *Tertull. De bapt. 18*

Большое влияние на подход к крещению младенцев оказал спор между Августином и Пелагием, состоявшийся в начале V в., в результате которого возобладало мнение Августина, что в результате грехопадения человек лишился свободы воли и не способен не грешить, т. е. даже несмышленные младенцы не имеют надежды на спасение без благодати Божьей, подаваемой

в крещении [Афанасьев, 101]. Эта точка зрения, а также придание христианству статуса государственной религии и, соответственно, резкое увеличение числа христиан и постепенное угасание практики оглашения, привело к тому, что крещение младенцев стало восприниматься как общепринятая норма. Уже Карфагенский Собор 419 г. не просто говорит о *допустимости* крещения младенцев, но в 124 правиле анафематствует тех, кто отвергает *обязательность* крещения новорожденных детей <sup>\*1</sup>. Век спустя Иоанн Постник в своем 37 правиле настаивает на том, что если младенец умрет не окрещенным по нерадению родителей, на них должна быть наложена епитимья [Правила св. Иоанна]. Эта же норма со ссылкой на 68 статью Номоканона при Большом требнике действует и сегодня в церковном праве [Цыпин, 130]. То есть крещение несмышленных младенцев воспринимается уже как всеобщая норма, и исключения делаются лишь для обратившихся в христианство иноверцев (в наше время также и бывших атеистов).

<sup>\*1</sup> Карф 124

При переходе к младенческому крещению как основной церковной практике чины крещения оказались соединенными с чинами молитв над восьми- и сорокадневным младенцем. Наиболее древняя из них, молитва 8-го дня, смысл которой в наречении младенцу имени, имеет явные параллели с иудейским обычаем обрезания/наречения имени, совершающимся на 8-й день, а также с бытовавшим в греко-римской культуре обычаем давать младенцу имя на 8-й день жизни [Алмазов, 126]. Кроме того, в чин крещения, сложившийся в окончательном виде к XIV в., вошли молитвы, делающие оглашаемого просвещаемым [Кочетков, 102]. При этом сами же священнослужители, не подвергая сомнению правильность практики младенческого крещения, ощущали противоречие духа и смысла молитв чина крещения и того факта, что крестят несмышленного младенца. Так, в конце XIX в. преподаватель Харьковской семинарии С. В. Булгаков в пояснениях к чину крещения, к молитве «возвесели его деяниями рук его» замечает:

Некоторые думают, что прошение в этой молитве не применимо ко младенцу. Но, если признать это прошение Церкви неприменимым ко младенцу, то, оставаясь последовательным, нужно также признать неприменимыми ко младенцу... и другие прошения Церкви, читающиеся в той же молитве... И в конце концов дойти до отрицания необходимости для младенца благодати крещения [Булгаков 1893, 102].

Если в действующих сегодня указаниях на крещение взрослых сохраняются такие моменты, как свидетельство самого крещаемого о принятии им христианского учения, личное свидетельство об отречении от сатаны и личное произнесение Символа Веры, то крещение младенцев претерпело более значительные отклонения от изначальной церковной нормы, чем крещение людей сознательного возраста [Афанасьев, 113].

Современное догматическое богословие утверждает, что крещение младенцев совершается по вере их родителей и восприемников. Протопресвитер Николай Афанасьев отмечает некоторую ущербность этой формулы даже в том случае, если родители сами являются членами церкви.

Если... вера родителей или восприемников заменяет веру детей, то это противоречит всему, что содержит Церковь. Вера есть личный дар, а потому отсутствие веры одного лица не может быть заменено верою другого лица, даже верою родителей [Афанасьев, 107].

Однако если в нормальном случае произнесение крещальных молитв не крещаемым, а восприемником еще можно оправдать как аванс на будущее, то максимальное расхождение смысла молитв с реальным обрядом крещения можно видеть в тех случаях, когда совершается крещение детей с тяжелой патологией, при которой крайне сомнительна надежда на обретение ими человеческого облика.

Тема крещения детей в пограничных ситуациях подробно разработана в католической церкви, где крещение детей, имеющих плохой прогноз для жизни (например, глубоко недоношенных), оговорено в кодексе католического церковного права. Так, канон 871 гласит: «Утробные плоды, преждевременно появившиеся на свет, следует по возможности крестить, если они живы» [Кодекс, 871]. В Русской православной церкви вопрос крещения младенцев в экстремальных ситуациях получил освещение прежде всего в Требнике митр. Петра (Могила), изданном в 1646 г. и созданном под влиянием западных требников, прежде всего *Rituale* Павла V, за несколько лет до того изданного в Риме в переводе на хорватский язык [Карташов, 297]. К каждому из семи таинств в этом Требнике приложено довольно пространное катехизическое толкование. Чин крещения сопровождается, в частности, пояснениями «о крещении младенцев», где содержатся, в том числе, указания о срочном крещении детей, еще не изошедших из чрева матери,

в случае тяжелых родов и опасности для жизни младенца, а также о крещении «дивесов или чуд родящихся», т. е., переводя на современный язык, детей с тяжелыми врожденными пороками.

Прояснения митр. Петра относительно крещения младенца в экстремальной ситуации (например, крещение младенцев при тяжелых родах или крещение «дивов», т. е. сиамских близнецов) привлекают внимание детальной разработанностью алгоритмов действий в зависимости от ситуации. Так, при тяжелых родах в головном предлежании нерожденное дитя «аще и главу исповести, и в беде смертной будет, да крещено будет во главе. И аще посем живо из чрева изыдет, не подобает вторично крестити его уже бо крещено есть». Если же «ин уд испустит» и при этом создается угроза жизни младенца, «да крещено будет в той уд». Поскольку подобное крещение очень сильно отличается не только от крещения погружением, но и от крещения возливанием воды на голову, то в том случае, если такому младенцу повезет выжить, его надлежит крестить повторно, применяя формулу условного крещения: «аще несть крещено, крещается раб Божий имярек во имя Отца...» [Требник, 70].

В Требнике митр. Петра неоднократно упоминается о применении подобной формулы условного крещения (по его терминологии, «крещения под кондицией») в сложных ситуациях. Данная формула была изначально принята церковью для крещения тех, про кого не удавалось точно установить, были ли они крещены ранее. При этом еще в начале V в. Карфагенский собор предлагал в сомнительном случае «по умолчанию» считать таких людей некрещеными<sup>\*1</sup>. Однако в VIII в. в Западной церкви появилась формула условного крещения, а в XII в. Папа Александр III сделал эту формулу обязательной для сомнительных случаев. На широкое применение формулы условного крещения в практике католической церкви повлияло учение о неизгладимой печати трех таинств, в том числе таинства крещения, вследствие чего повторное крещение даже по неведению является кощунством. Сочетание такого понимания с представлением о невозможности спасения без крещения, и соответственно, о вине взрослых в случае смерти некрещеного младенца, и породило формулу условного крещения. Протопресвитер Николай Афанасьев видит в необходимости введения формулы условного крещения свидетельство того, что крещение детей стало уже не заботой всей христианской общины, но частным делом родителей или опекунов [Афанасьев, 111].

<sup>\*1</sup> Карф 83

В практике Западной церкви формула условного крещения использовалась и используется не только там, где нет возможности установить, имело ли место крещение, но и в случае, когда нет возможности точно установить, жизнеспособен ли новорожденный (с формулой «крещается, если жив») [Fanning]. Как видно из Требника, митр. Петр использует формулу условного крещения именно по такому принципу — там, где вызывает сомнение действительность произведенного крещения из-за вынужденного нарушения обряда. Например, если невозможно возлить воду на головку младенца, застрявшего в родовых путях, или в ситуации крещения сиамских близнецов, когда трудно точно установить, одно это существо или два. Также митр. Петр рекомендует прибегать к условному крещению в случаях рождения детей с настолько тяжелыми пороками, что возникает сомнение в их человеческой природе. «Аще чудо или див некий от жены родитися приключит, и аще образ человечесий имети не будет, да не будет крещен. Аще в том недоумение будет, да крестится под тоею кондициею: Аще есть человек, крещается раб Божий имярек во имя Отца и прочая» [Требник, 10].

В русской церкви практика условного крещения связывается именно с именем Петра Могилы. Через его Требник она вошла в употребление в Московской Руси. Она оставалась обязательной также в синодальный период, о чем свидетельствует ее помещение в книгу «О должностях пресвитеров приходских». Однако при этом С. В. Булгаков в «Настольной книге священника» отмечает то обстоятельство, что древняя церковь не знала условного крещения, также как нет упоминания о нем в канонах. Потому практические рекомендации Петра Могилы по условному крещению не представляются ему пригодными для широкого использования: «в сомнительных случаях лучше отложить крещение до времени большего развития организма, чем крестить условно» [Булгаков 2016, 987].

Протопресвитер Николай Афанасьев считал появление формулы условного крещения в практике церкви «догматическим и литургическим недоразумением», свидетельством утраты и искажения первоначального смысла крещения [Афанасьев, 112]. В ситуации, описанной митр. Петром, это искажение выступает особенно резко, поскольку в данном случае нельзя оправдаться даже заботой о дальнейшей жизни крещаемого младенца. Цель такого экстремального крещения вполне ясно изложена в «Пояснениях» «Аще же сицевый во уде окрещенный мертв из чрева

изыдет, на освященном месте с христиане да погребен будет» [Требник, 10]. То есть крещение такого младенца оправдано исключительно одним — необходимостью обеспечить ему благоприятную участь в посмертии, и потому оно должно состояться, пусть с оговоркой, даже там, где предельно ясно, что никакой жизни в служении Богу у этого человека не будет.

Однако значение «Пояснений» в Требнике митр. Петра не исчерпывается тем, что они особо наглядно выдают изменившееся за века понимание крещения, превращение его в род магического действия «в угоду суеверному страху перед... законнически понятым первородным грехом и соответствующей участью умерших без крещения» [Кочетков, 17]. Митрополит Петр, возможно, не имея специально такого намерения, поднимает очень важный и непростой вопрос, не разрешенный еще и по сей день, — кем считать таких детей? Просто ли ошибкой природы, браком, «биологическими отходами»? Или они тоже являются носителями образа Божьего и заслуживают отношения к себе как к человеку? И можно ли здесь обозначить какую-нибудь границу?

В секулярном советском и постсоветском обществе (да и в других странах бывшего социалистического лагеря) господствует первая точка зрения. Об этом свидетельствует, в частности, журналистка и писатель Анна Старобинец, которая сама пережила трагедию рождения ребенка с несовместимым с жизнью пороком развития и затем собрала свидетельства других женщин в подобной ситуации [Старобинец]. Казалось бы, не вызывает сомнения, что ответ Церкви должен быть иным. Еще блж. Августин в письме Лаврентию «О вере, надежде и любви» выражал надежду, что всеобщее воскресение коснется и уродов, и детей, которые не смогли родиться \*<sup>1</sup>.

\*<sup>1</sup> Aug. Enchir.  
87, 89

Однако вопрос о человеческом достоинстве таких детей часто искусственно подменяется вопросом о возможности и даже необходимости их крещения. В практике католической церкви такая необходимость даже не обсуждается. Так, «Сибирская католическая газета» со ссылкой на Радио Ватикана утверждает:

Вопрос о том, является ли ребенок, рожденный без мозга, человеческой личностью, волновал богословов с древних времен, *прежде всего в свете возможности их Крещения* (подчеркнуто мною. — О. Я.). И они пришли к утвердительному ответу. Ребенок, лишенный мозга или его части, всегда почитался человеческой личностью и получал Крещение [Трудные вопросы].

Согласно католической энциклопедии, в подобной ситуации окрестить нежизнеспособного ребенка должен быть готов даже медперсонал, помогающий при родах, в том числе с использованием формулы условного крещения «крещается, если жив» [*Baptism. Unborn children*].

В Русской православной церкви нет такого однозначного подхода к названной проблеме (см. упомянутое выше замечание в «Настольной книге священника») [Булгаков 2016, 987]. Определенную позицию в столь сложном вопросе высказывают немногие. К этим немногим относится, в частности, о. Георгий Кочетков, настаивающий на том, что если «младенец совсем не проявляет свойственных его возрасту адекватных человеческих реакций, то даже “страха ради смертного” нельзя крестить и его, ограничиваясь в лучшем случае (т. е. если есть реальная надежда на обретение им человеческого образа в будущем) молитвами чина 40-го дня — 1-го оглашения» [Кочетков, 140].

Нельзя сказать, что в русской церкви совсем не обсуждается проблема рождения детей с тяжелыми нарушениями развития, как и проблема крещения в этически неоднозначных случаях. Но нередко предмет обсуждения смещается. Вышедшее в 2017 г. пособие «Особый человек в храме», посвященное жизни в церкви людей с ментальными нарушениями и аутизмом, сосредоточилось на помощи самим больным и их семьям [Особый человек]. Из самой постановки вопроса ясно, что речь в ней все же идет не совсем о пограничных ситуациях, подобных тем, которые обсуждает митр. Петр. В 2013 г. на заседании Синода был принят документ о крещении младенцев, родившихся от суррогатных матерей [О крещении]. Однако проблема, заставившая принять этот документ, касается главным образом не ребенка (не говоря уже о том, что физическое и умственное развитие ребенка, рожденного биологической и суррогатной матерью, ничем не разнится). Проблема крещения таких детей возникает потому, что практика суррогатного материнства церковью осуждается, и встает вопрос, как можно доверить христианское воспитание младенца родителям, совершившим грех. Потому рекомендуется крестить ребенка только тогда, когда родители принесут покаяние в своем грехе, за исключением ситуации, если возникнет угроза жизни младенца. Если же речь идет о прерывании беременности, независимо от причин, то большинство молитв, в том числе утвержденное Священным синодом в 2016 г. Последование, рекомендованное для домашних молитв [Молитвенное последование], делают акцент на покаянии матери в грехе



детоубийства, так же, как и молитва, читаемая над женщиной после спонтанного аборта, делает акцент на очищении женщины.

Таким образом, «Пояснения к крещению» в Требнике митр. Петра очень остро ставят вопрос о том, что делать в такой ситуации, в которой, как и в целом в сфере биоэтики, нет и не может быть однозначного, устраивающего всех ответа. Однако попытка ответа, данная митр. Петром — по возможности, окрестить по условной формуле ради того, чтобы похоронить в освященной земле, — вступает в неразрешимое противоречие с духом и смыслом крещенских молитв.

### Источники

1. *Карф* = Правила святого Поместного собора Карфагенского // Каноны или Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. 2-е изд. Монреаль : Бр-во преп. Иова Почаевского РПЦЗ, 1974. С. 149–190.
2. *Молитвенное последование* = Молитвенное последование с канонем покаянным о грехе убийства чад во утробе (аборте) (Принято Священным Синодом Русской Православной Церкви 27 декабря 2016 г., журнал № 128). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4727181.html> (дата обращения: 05.06.2017).
3. *О крещении* = О крещении младенцев, родившихся при помощи «суррогатной матери» (Принято Священным Синодом Русской Православной Церкви 25–26 декабря 2013 г., журнал № 158). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481024.html> (дата обращения: 05.06.2017).
4. *Правила св. Иоанна* = Правила св. Иоанна Постника, патриарха Константинопольского // Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, еп. Далматинско-Истрийского. М. : Отчий дом, 2001. С. 543–573.
5. *Требник* = Требник митрополита Петра Могилы : В 2 т. Т. 1. Київ : Інформаційно-видавничий центр української православної церкви, 1996. 946 с.
6. *Aug. Enchir.* = Августин Аврелий. Энхиридион Лаврентию о вере, надежде и любви. М. : Сибирская благовонница, 2017. 192 с.
7. *Const. Ap.* = Постановления Святых Апостолов через Климента, епископа и гражданина Римского. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Лавра, 2006. 238 с.
8. *Supr. Carth. Ad Fidum* = Киприан Карфагенский. Письмо к Фиду о крещении младенцев // Творения св. сщмч. Киприана, еп. Карфагенского. Ч. 1. Киев : Тип-я Корчак-Новицкого, 1879. С. 186–190.

9. *Didache* = Учение двенадцати апостолов // Писания мужей апостольских. Рига : Латвийское библейское общество, 1992. С. 17–38.
10. *Iust. Martyr. I Apol.* = Иустин Философ и Мученик. Апология первая, представленная в пользу христиан Антонину Благочестивому // Памятники древнехристианской письменности. М. : Храм свв. бессребреников Космы и Дамиана на Маросейке, 2005. С. 30–99.
11. *Orig. In Luc. Hom.* = Origen. In Lucam Homiliae : Homilia XIV // Patrologia Graeca. Т. XIII. Col. 1833–1838.
12. *Tertull. De bapt.* = Тертуллиан. О крещении // Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения. М. : Прогресс, 1994. С. 93–105.

## Литература

1. *Алмазов* = Алмазов А. И. История чинопоследования крещения и миропомазания. Казань : Типография Императорского Университета, 1884. 683 с.
2. *Афанасьев* = Афанасьев Николай, протопр. Вступление в Церковь. М. : Паломник, 1992. 203 с.
3. *Булгаков 1893* = Булгаков С. В. Практическое руководство к свершению богослужения Православной Церкви. Харьков : Тип. губерн. правл., 1893. 192 с.
4. *Булгаков 2016* = Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Репринт. воспр. изд. 1913 г. : В 2 т. М. : Николин день, 2016. 944 с.; С. 945–1808.
5. *Цыпин* = Цыпин Владислав, прот. Церковное право. 2-е изд. М. : Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви ; Изд-во МФТИ, 1996. 442 с.
6. *Карташов* = Карташов А. В. Митрополит Петр Могила // Очерки по истории русской Церкви : В 2 т. Т. 2 : Патриарший период. Минск : Белорусский экзархат, 2007. С. 290–300.
7. *Кодекс* = Кодекс канонического права. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 624 с.
8. *Кочетков* = Кочетков Г., свящ. Таинственное введение в православную катехетику : Пастырско-богословские принципы и рекомендации совершающим крещение и миропомазание и подготовку к ним. М. : Свято-Филаретовская моск. высш. православ.-христ. школа, 1998. 241 с.
9. *Особый человек* = Особый человек в храме : Помощь людям с нарушениями развития и аутизмом / И. Лунев, Е. Стребелева, Е. Баенская [и др.]. М. : Лепта Книга, 2017. 288 с.
10. *Трудные вопросы* = Трудные вопросы. Допустим ли аборт в случае анэнцефалии // Сибирская католическая газета. 2012. № 2.

URL: <http://sib-catholic.ru/trudnye-voprosy-dopustim-li-abortion-v-sluchae-anencefalii/7> (дата обращения: 6.06.2017).

11. *Старобинец* = Старобинец А. А. Посмотри на него. М. : АСТ CORPUS, 2017. 283 с.
12. *Fanning* = Fanning W. Baptism // Catholic Encyclopedia. Vol. 2. N. Y. : Robert Appleton Company, 1907. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/02258b.htm#xiv> (дата обращения: 05.06.2017).

## **O. I. Yaroshevskaya**

### **On Baptising ‘Weird-Looking Newborns’: Issues Related to Children with Severe Pathology according to the Priest’s Service Book by Metropolitan Peter (Mogila) and the Current Church Practice**

The article analyses the explanatory notes “On Infant Baptism” and “On Baptising Weird-Looking Newborns” in the Priest’s Service Book by Metropolitan Peter (Mogila). On the one hand, these arguments clearly indicate the meaning of baptism has been distorted from the original understanding and perceived as a magical action to secure a favorable fate for a non-viable baby in the afterlife. On the other hand, the question arises with no decisive answer yet: how can the church bear witness to the human dignity of children with severe malformations.

KEYWORDS: baptismal rite, Metropolitan Peter (Mogila), infant baptism, severe malformations.